

ВОЛШЕБНЫЕ СОЗВУЧИЯ

Воронежская поэзия последнего полувека содержит в себе имя, чье присутствие в литературе Черноземья повлияло на многие художественные пути. Речь идет о Михаиле Болгове, который известен также под творческим псевдонимом Компоэтор. В середине 1970-х годов он стал негласным вожаком молодых поэтов — участников литературного объединения при Воронежской организации Союза писателей. Густая, почти вулканическая образность его лирики и властность поэтической интонации обладали редким магнетизмом и неуловимо воздействовали на вполне самобытные поэтические опусы лирических соратников, оставляя в их текстах приметы болговского словоупотребления или же постановки голоса.

В те годы Компоэтор был безоговорочным приверженцем белого стиха и верлибра, который в его транскрипции обладал поэтической убедительностью редкой силы. Пружина той или иной лирической истории мастерски растягивалась автором до необходимой точки — и потом моментально «схлопывалась», сжималась в финале стихотворения, давая его эмоциональный итог и смысловую развязку поведанной истории. Как правило, эти стихи были отчетливо сюжетными, их действие происходило в отвлеченном метафорическом пространстве и к зримой действительности имело только ассо-

циативное отношение. Для поэзии подобное построение лирического рассказа вполне закономерно — образность жанра дает автору в этом смысле все возможные права. Здесь важно лишь одно: сюжет не должен уходить от действительности слишком далеко, дабы читатель-слушатель не утратил желание иметь дело с увлекательным и ярким материалом, но все-таки — отчасти непонятным, и потому — не близким. В последнем случае определяющую роль играет постановка голоса поэта — как звуковая, так и личностная.

Болгов обладал редчайшим свойством интерпретировать жизненную историю как вневременную и над-пространственную, когда все социальные указатели в тексте становились не прямыми, а косвенными, и более того — образными.

В стихотворении «Исповедь Композитора» показан процесс возникновения музыки как Вселенной, в которой из непостижимой бытийной смеси появляется время, звук, мелодия и композиция мира, чьи черты пока только робко угадываются:

Пузырями нот вскипала музыка...
И выпал год, как пропуск ее такта...
Ее развалин стон — мелодиюгу душит...
Уставились пустые глаза нот
В ее ввалившийся мертвот...

Напротив, «Рассказочка» основана на русской традиции сказа, и каждый смысль, появляющийся в строке в свою очередь, замечательно прост и выразителен.

По степи гулял ветер северный,
Собирал букет полевых цветов.
Собирал букет своей злой жене
Вьюге северной, душе сгубливой.
Он дышал на них — цветы вянули,
Прижимал к себе — стебли лопались,
Перебрал всю степь по цветочку он,
До листочка всю до последнего.
Он унес цветов ровно полстепи,
Ровно полстепи не цветет теперь,
Удивить хотел север пасмурный
Красотой земли, ее запахом...

Плотная, порой подавляющая смысловое начало образность свойственна целому ряду произведений поэта тех лет. Чем-то она напоминает начального Маяковского, за одним исключением: перед нами — верлибр, а не регулярный стих. Уже название одного из стихотворений подтверждает такое наблюдение — «Поцелуй железными губами». Но, фактически, в то же самое время Болгов пишет вполне прозрачную миниатюру «Небо задумалось». В последующие десятилетия в его творчестве «пастозный образный мазок» будет постоянно соседствовать с выверенной линией «сюжетного рисунка».

Постепенно верлибр в поэзии Михаила Болгова начинает уступать место сказовому развитию сюжета, обретающему более обширные мистические границы и пути собственного развития. Разговорная речь и просторечие легко уживались в художественном пространстве с отвлеченными понятиями и все более строгими рифмами, которые дисциплинировали версификацию и сообщали творческому облику автора какие-то новые, прежде ему не свойственные черты. Так, поэма «Змей-присуха» в формальном отношении уже довольно далека не только от феерических вещей первого творческого периода поэта, но и от поразительной по звучанию и игре словами драматической баллады на почвенном материале «Воронье»:

Воронежье
воронеживое воронезное
воронезелезная твоя воля
воронезеланная твоя доля
На белой груди перо брошено
Вороно перо ворона крыла
На конце пера капля кровная
Вороной крови да запекшейся
А в белых ногах то само крыло
Переломано да истоптано
Да черным-черно черней ворона
И вороной луны в небе с проседью
Воронезия небыли
Воронезили-небыли
воронезивыми
воронезными

С самых первых поэтических опытов Компоэтор демонстрировал редкую способность к словотворчеству, которая со времен Велимира Хлебникова как будто и не появлялась в последующей русской поэзии. Эпизодические вкрапления звукописи в стихах некоторых поэтов модернистского толка были, скорее, данью литературной моде, нежели органической склонностью автора к концептуальному использованию этого художественного средства. Неловкие строки Вознесенского как реверанс отечественному авангарду первой четверти прошлого века тут лучший пример. Тогда как для Михаила Болгова в середине 1970-х годов такое движение поэтической мысли и ее предметность оказались формой реализации литературной стихии русского языка. Одновременно сюжеты Компоэтора склонялись к мифу все более определенно и осознанно. По существу, его дальнейшее творчество стоит на двух китах: сказовой интонации и мифе, который становится универсальным увеличительным стеклом для изображения любой жизненной коллизии.

Заметим, что верлибр Компоэтора энергичен, последователен в сюжетном развитии, образно уравновешен внутри самого себя и всегда организует смысловое поле стихотворения.

Разъединены
Разъедены мы будем
Опущенные в кислоту времен
мы растворимся в ней
собой нейтрализуем
и больше кислоты
не ощутим
И наше время
станет
безопасным
Ни язв
и ни ожогов
не оставит
Ни у кого
кто будет им
на Сон Грядущий
омываем
И мы стечем
за капель
капля
С бескровных лиц
с холодных тел
и ног

Этот давний пример на редкость актуален, поскольку ныне свободным стихом называют любую инертную словесную пену, претенциозно распределенную по строкам якобы стихотворения. Между тем, стремительное творческое развитие привело Михаила Болгова к почти принципиальному отказу от этой поэтической формы к концу семидесятых. Фактура его лирики, постепенно наполняясь рифмой и более строго организованным высказыванием, пройдя ряд промежуточных этапов, превратилась в регулярный стих, порой даже излишне скованный ритмико-синтаксической структурой. И как следствие — творческое воображение Композитора оказалось на многие годы загипнотизировано драматургией сонета.

Стоит заметить, что внутренняя свобода поэта, прежде апробировав себя в самых разных лирических ипостасях, утвердилась в системе образов и определила наиболее важные смыслы. Наверное, кому-то стихотворения Композитора покажутся предельно отвлеченными от действительности. Однако пространство мифа, в котором живет художественное alter ego автора, требует от читателя доверия — и тогда в его ладони упадет «криптографический ключ», который позволит ему открыть вход в мир этой ни на что не похожей поэзии.

Вот один из первых опытов в такой системе, которая впоследствии будет испытывать самые разные преобразования, сознательно ведущие к расширению драматургических возможностей сонета и извлечению совершенно новых интонационных оттенков благодаря особенностям его построения.

ДАКТИДИЛЛИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Одно сознание первозданной истинности,
И — все уступит самородку в драгоценности.
Он создан в чистоте случайной дерзостью,
Без все и вся легирующих примесей.

Но неуютен мир и мне, и человечеству,
Как неуютен сей сонет Дактидиллический,
Из-за того, что бедн находкой редкостной,
Будь то алмаз иль чувство кристаллическое.

Родившийся заведомым старателем,
Покорный слову, как инстинкт, дремучему,
Ищу неведомые россыпи кристалльные.

Но все нейдут на ум волшебные созвучия,
Которые б сложил я в заклинание,
Подобное велению: «По-щучьему...».

Тематика сонетных вариаций Композитора довольно широка. В ней есть циклы о любви, многие вещи погружены в творческий обиход стихотворца, иные — по-новому интерпретируют сюжеты мировой мифологии. И почти везде властный голос автора оказывается той нитью, на которую нанизаны различные толкования, ракурсы и взаимоотношения певца с Музой русской поэзии. Умозрение соседствует с предметами вполне лапидарными, мимолетные отсылки к смыслам сложным, не лежащим на поверхности, не очевидным для человека нашего времени, — погружены в развернутые рассуждения поэта о существе вопроса, который его занимает.

В современной русской поэзии примеры лирического размышления над проблемой, которая не дает покоя автору, встречаются крайне редко, хотя полвека тому назад похожие сюжеты были привычным обыкновением — скажем, поэмы и стихи Василия Федорова. Однако почти всегда тема развивалась в рамках вольного повествования, в крайнем случае использовалась та или иная авторская строфа.

«Сонетный узел» Михаила Болгова развернут вокруг онтологического вопрошания: для чего живет на Земле человек? Форма этого произведения напоминает

венок сонетов, но является объединением 14-строчников, связанных между собой только драматургией лирического монолога. Разговорность интонации, казалось бы, совершенно не свойственная практике сонета, здесь царит изначально и является тем способом, который может оживить классическую структуру, одновременно взяв на вооружение свойственное ей противоборство смыслов.

Допустим, что уже вполне реально
Ты отыскал в космической пустыне
Собратьев по уму, сдружился с ними,
И все, что вы творите — гениально:

Весомо, зримо, сплошь материально!
Какие корабли! Какие дыни!
Какие женщины!.. И не рабыни!..
Во всем единство форм и содержания!

Шедевры сплошь — стихи, и — сплошь! — картины!
И музыка вся-вся сплошь гениальна!
Труд — радость! Стремленье — вертикально!
Какое счастье жить и быть такими!
Чтобы и впредь, как это ни фатально,
Жить, чтобы лучше жить!..
Чего во имя?!

<...>

И у меня вопросов больше нету,
Чего во имя жизнь свою прожить,
Какую видеть цель, чему служить
И что вычесывать из головы планеты.

Так затянулся узел мой сонетный.
Кто хочет убедиться —
развяжи.

А развязав и уличив во лжи —
Хоть вей веревку вздергивать поэта...
Феки квод потуи¹.

Но индуизм

С наукой нынешней мне все еще пророчат
В конце пути грядущий катаклизм:
Пралаю — он,
она — сверхплотный ком!..

И вижу вдруг, как Правнук — мой хохочет!
И, глядь, пошел совсем другим путем!..

Легкая ирония в позднейших стихотворениях Композитора, кажется, отодвигает в сторону драматизм его творчества ранних лет. Противоборство добра и зла, любви и равнодушия, душевной широты и нравственной узости становится у него почти невидимым, уж во всяком случае — не акцентным. Само это обстоятельство важно понять, оглядываясь на картину современной поэзии, которая трагедийна и печальна сегодня почти по умолчанию. Редкий жизненный оптимизм и душа автора, настроенная на творчество, понимающая вдохновение как океан энергии, из которого в мгновения упадка сил можно получить поддержку, — это не только особенность и даже не совсем свидетельство таланта, скорее — характеристика личности.

В стихах Михаила Болгова облики света и тьмы обозначены порой с удивительными деталями, и такая пунктуальность глаза и мысли, вкупе с образной свободной речью, говорит о даровании поэта куда весомее, нежели иные публицистические построения в рифму.

¹ Feci quod potui... — Я сделал все, что мог...

Упреки в рациональности поэтического ума — почти дежурные сентенции в адрес Композтора. Они впервые прозвучали в восьмидесятых и не затихли до сих пор. Между тем, самобытность и уникальность этой фигуры очевидна, и ее нужно принимать как некую художественную данность. Примерно так же укорительно век тому назад Александр Блок говорил о Николае Гумилеве, что совсем не отмечает драгоценный вес последнего имени в истории русской литературы.

Михаил Болгов — бессменный председатель воронежского клуба поэтов «ЛИК»². Его идеи и концепции, словно некий художественный цикл, как уже упоминалось, вовлекали в сферу своего влияния многих авторов Черноземья, чье творчество притом совершенно не теряло своих ранее признанных достоинств.

Стихотворная переписка членов «ЛИКа», при всей шутовности огромного числа текстов, хранит в себе литературные находки, которые могут украсить любые «серьезные» строки.

Огромная по объему редактуре рукописей поэта Валерия Исаянца, поданная читателю как лирика «Поэтарха Айяса», позволила сохранить хаотические черновики этого странного автора, одновременно показав дистанцию между конечным воплощением его сочинений и изначальным текстом, вышедшим из-под руки бесприютного стихотворца.

Разрозненная лирика Александра Ромахова после внезапной кончины поэта была собрана воедино благодаря неугомонной инициативе Михаила Болгова. И тогда стало возможным издание «Ромкиных» избранных произведений «Солнце тихое» (Воронеж, 2011), где сравнительно широко представлена панорама его творений.

Стараниями Композтора был развернут своего рода художественный полигон для исследования выразительных возможностей русского сонета. В этом самозабвенном погружении в стихию давней лирической формы участвовали едва ли не все воронежские авторы из числа «ликов».

Поэтическая судьба Михаила Болгова есть удивительная, ни на что не похожая страница воронежской литературы. В течение десятилетий Композтор как будто представляет собой ее тень, и не выходит на официальную авансцену. Однако никогда нельзя с уверенностью сказать, что какое-то имя хоть малой строкой, но останется в истории русской словесности. Примеров забвения качественных литературных имен — великое множество. Михаил Болгов уже своим парадоксальным подходом к творчеству, образами, не оставляющими сознание читателя, заставит академического филолога застыть над псевдонимом «Композтор». А дальше возникнут иные лица и взаимоотношения, иное понимание литературы — никак не альтернативное, но придающее ей необходимую и важную полноту.

Пойти к судьбе. Ударить ей челом.
Преподнести дары — чем наделили
Меня природа, боги и кумиры...
Отдать ей светоч свой, и лиру, и перо.
Златое время. Можно — серебро
Отдать. Коня крылатого. И свиток,
В котором песнь хвалебная излита...
И это — все, что есть у духа моего.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

² «Литературный Клуб».

А привиделось диво дивное
Чудо чудное причудилось
Что раскрыта тайна — тайная
И из всех как есть последняя

Не раскрыта даже — взломана
С петель двери сбиты сорваны
Словно храм какой разграбленный
На Руси монголов ордами

Словно были злы татаровья
Ободрали все повыгребли
А защитники хоробрые
Лежат скорчась в три погибели

Где же я-то был — ума не дам
Хоронился что ли прятался
Почему ж тогда умаялся
И в крови доспехи витязя

Почему и конь мой взмыленный
Словно ехал торопился я
И в мешке к седлу привязанном
Кто-то возится шевелится

Как же так о тайна тайная
Как могло все так случится-то
Что ни к месту ни ко времени
Я был там где и не надо бы
Не рубился здесь с ордынцами
Не берег что любо дорого
Не побил собаку врага
Не прогнал его поганого

Где теперь твое узорочье
Где искать мне дива дивные
Есть ли где какая невидаль
Чудом чудным уцелевшая?!

Только я все это вымолвил
Только эхо в храме замерло
Как со стен на меня глянули
Со страданьем нерастраченным
Росписи — а как иначе-то?..
Прояснились лики темные
И все образы-подобия
Вдруг пожили-задвигались
Рукавами отираючи
Очи светом напоенные
Огласились своды плачами
По молитвам истомленными...

И влетела стая воронов
Заглушая криком стоны их
Ударяя в стены клювами
Хлопоча по-ворониному
Стала лики расковыривать
Раздирать когтями губы им
И одежды тайна золота
Светолитья чуда дивного

Не успел и обернуться я
Ни орлом ни быстрым соколом
Как с плеча вдруг размахнулся и
Не тем словом поминаючи
Трижды прокрестил по воздуху
Меч в моей руке играючи
Трижды свистнул по-соловьему
Трижды вдоль и трижды поперек
Да еще присвистнул — в ножны лег...

И упала стая замертво
Возгорела мутным пламенем
Зачадила задымарила
И обрюзгшим жирным облаком
Поползла цепляясь за стены
За уступы за щербастины
Норовя взобраться до верху
И была уже под сводами
Собралась уж было до ветру
Да по свету осмыгнулась и
Всей своей обрюзгшей тушей-то
Как скользнула вниз в обратную!..

Поддеваема уступами
Да щербатыми захватами
Так по стенам и размазалась
Нечистотами утробными —
По всем росписям и надписям
Слоем жира-сажи-копоти!..

*«Что-то рано ты расхвастался
Удалой доброй ли молодец!.. —
Вдруг каким-то странным голосом
Со двора меня окликнули. —
Разве стали вышним промыслом
Эти осмыги случайные?..
Лики-образы изгажены
Светолитья испоганены
Всюду веет смрадным запахом
Полно скверны свято поприще!
Пораскинь-ко умом-разумом
Да смекни уж нет ли способа*

*Как спасти здесь диво дивное
Соскresti ту копоть жирную
Что легла уж как бы намертво?
Да всю эту желчь утробную
Деть куда чтоб не изгадила
Ничего вокруг да около?..
Эта службишка — не на людях...
А не сделать — жизнь промаешься!
Хотя я уж знаю загодя —
Без меня ты с ней не справишься!»*

Неужели ж я ослышался?
Да неужто уж почудилось?! —
Так невольно мне подумалось
Когда я на голос вышел и
Стал высматривать выглядывать
Кто же мог так разговаривать...

А округа вся как вымерла
Опустела опостылела...

Вижу только что привиделось
Что вначале мне причудилось
Да я вам уже описывал
Что раскрыта тайна тайная
И последняя по истине
И доселе неприступная...

Не раскрыта даже — взломана
С петель двери сбиты сорваны
Словно храм какой разграбленный
На Руси монголов ордами
Словно были злы татаровья
Ободрали все повыгребли
А защитники хоробрые
Лежат скорчась в три погибели...

Вижу конь стоит по-прежнему
В пене словно торопился я
И в мешке к седлу привязанном....

Тут и вспомнил я о пленнице
О своей добыче редкостной
О которой вам и сказывать
Не хотел — забыл мол дескать....
Уж извольте как известно
И на том сказать спасибо —
Указав на жанр — «Отрывок
из поэмы» — так как это
Всегда делают поэты
Когда чуют что исчерпаны
Что убоги стали силы

Что их просто не хватило бы
Взрастить выпестовать детище
А признаться в своей немощи —
Так и так мол люди — стыдно...

Не хотел и вам я сказывать
О своей добыче редкостной
Что в мешке к седлу привязанном
Сидит возится шевелится
Да *видальщину* калеченой
Оставлять — теперь — не хочется
Да и самому не терпится
Узнать чем все дело кончится
Коль она еще продолжится...

А продолжить — мысль имеется
Что тем самым странным голосом
Со двора меня окликнула
Коль округа вся как вымерла
Не иначе как та пленница...

Захотев вполне увериться
Все ли так как я разгадывал
Подошел к мешку камчатному
Развязал сутяг ременчатый
И улитку брюхоногую
Раз два три четырехрогую
В человечесий рост огромную
С телом в слизи очешуенной
В раковине перламутровой
Красоты неописуемой
Да к тому ж еще завернутой
Не как все по ходу времени
А в священном направлении
Супротив его стремления
Ухватил как поудобнее
Из мешка наружу выдернул
Да встряхнул аж чуть не вытряхнул
Говоря ей с нарочитием:
«Тварь какая брюхоногая!
Чешуя твоя сопливая!
Уж не ты ль своим ли голосом
Со двора меня окликнула?
Хвастовство в словах услышала
Хоть они мне — зелья горького!»

Тут она расквасив рыльце
Не с тем делом скоробливая
Таковым бесцеремонием
С видом очень уж обидливым
Пошевеливая брыльями
Изронила слово чудное

Словно выкатив жемчужину
С золотыми переливами
Говорила так диковинно
Что не понял половины я
Зато помню все доподлинно
С чего начато чем кончено
Все что было мной услышано
От той твари брюхоногой... «А
Горевать доброй ли молодец
Что все этак получилось-то
Коль ни к месту ни ко времени
Ты был там где и не надо бы
Не рубился здесь с ордынцами
Не берег что любо дорого
Не побил собаку врага
Не прогнал его поганого
Не спеши а прежде выслушай
Все что лишь тебе и выскажу...
Испокон веков так водится
И с тех пор у вас пословица
«Что желаешь утаить —
То само заговорит»
Молвит слово странным голосом
Явится волшебным образом
И сослужит службу верную
Коль добро какое помнится
За добро и я невольница
Им и речь моя исполнится...

*Далеко в воображении
За пределами видения
Где кончается безвременье
И идет начало разуму
Простирается великая
Завитая перевитая
На спираль его развития
Раковина изобилия*

*В ней жестока и безжалостна
Живет мать моя родимая
Ее мантия — материя
Ее жемчуг — звезды светлые
Ее пища — все что вымерло
Что исчезло — ею съедено*

*Все кто кажутся ей лишними
На разумный глад пригодливы
Пусть хоть мы ей дети родные
Будут ею в срок отобраны
И проглочены и близилась
По тем срокам моя очередь*

*За что спас меня от гибели
Даже сам того не ведая
И назвав добычей редкостной
Перенес в свое видение
Сослужу я службу верную
Да обиду свою первую
На тебя доброй ли молодец
Сброшу вместе с этим обликом
Твари гада брюхоногова...»*

*И из раковины выскользнув
Прямо оземь и ударилась
Обернулась девой юною
Разметала русы волосы
И в ладони громко хлопнула
Такое слово молвила:*

*— Эй вы твари брюхоногие
Черепные и убогие
Завитые перевитые
И крутыми пирамидами
И завоями пологими*

*И смертельно ядовитые
И смиренно необходимые
И красивые и так себе
И уродцы безобразные
Травоядные и хищные
С плотоядными утробами
Вас зовет хозяйка добрая
На пир трапезу великую!..*

*Эй обжоры мои милые
Вы придите поспешите-ко
Из строенья многодизного
Скверну гиблую вылизывать
Выскребайте стены дочиста
Чтоб и духу ее не было
Угодите добру молодцу
За хозяйкино спасение
Чтобы вновь его видение
Всех дивило чудо-рописью*

*Чтобы лики заслепленные
Вновь прозрели и провидели
Вы в глазницы их расклеванные
Вставьте ясные жемчужины
С золотыми переливами*

*Изукрашивайте рублица
Дорогими перламутрами
По лазоревому светлыми
Чтоб под сумрачными сводами
Сей разграбленной обители
Разыгралось светолитие
Как под сводами небесными!..*

*Чтобы тьмы и тьмы паломников
Духом схожих с пилигримами
Шли к вратам ее с поклонами
Взалкав тайны чуда дивного
Где даны в награду каждому
И красивому и страшному
Будут перлы самокатные
Злата слова самовитого*

*Чью невиданную раковину
Красоты неопиcуемой
Держит он в руках и сидючи
На огромной глыбе каменной
Недвижим как изваяние
Ее гулом песней чудною
Как сказанье стародавнее
Коя льется неоскудная
Не как все по ходу времени
А в священном направлении
Супротив его стремления
Призадумавшись заслушался*

*И поддавшись искушению
Верить своему видению
Вдруг перо из оперения
Каленой стрелы что кстати так
Уцелела с битв неправедных
Изловчась наотмашь выхватил
На кусках того пергамента
Что разодраны раскиданы
Были ордами татаровья
И оставшихся от надписей
Уцелевших слов таинственных
Не меняя и не двигая
Стал записывать сказания
Да перо свое обмакивать
В днесь растущие стремительно
Волны дивна светолития...*

*Умолкала дева юная
Брала свечку воску ярова
Кверху комлем ее ставила*

На погибель всем обидчикам —
Ах, как орд подобных много-то!..

А тем временем расчищены
Прояснились лики темные
И все образы-подобия
Все поожили задвигались
Рукавами отираючи
Свои очи просветленные

Огласились своды плачами
Все прозревших и провидевших...